

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

диссертационного совета Д 210.013.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский институт театрального искусства – ГИТИС» (далее: ГИТИС), о результатах рассмотрения апелляции Чепиноги Валерия Васильевича на решение диссертационного совета Д 210.013.01 от 07.06.2022 о присуждении Двизовой Елене Викторовне ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.01 – театральное искусство.

В ходе рассмотрения апелляции диссертационный совет Д 210.013.01 установил следующее.

1. Указывая на отсутствие в диссертации списка научных публикаций соискателя ученой степени (далее: соискатель), автор апелляции заявляет о нарушении требования подпункта «в» пункта 30 *Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук* (далее: *Положение о совете по защите диссертаций*) – включать в диссертацию «список научных работ, в которых изложены основные научные результаты исследования» (с. 1).

Текст подпункта «в» пункта 30 содержит не замеченное заявителем прямое указание на то, что соблюдение данного требования обязательно «для диссертации, оформленной в виде научного доклада». Диссертация соискателя оформлена не в виде научного доклада, а в виде рукописи, поэтому в ней не требуется представлять означенный список научных работ.

Необоснованное заявление о нарушении требования подпункта «в» пункта 30 *Положения о совете по защите диссертаций* отклоняется.

2. Автор апелляции заявляет, что в нарушение требования пункта 14 *Положения о присуждении ученых степеней*: «В диссертации соискатель ученой степени обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов», – соискатель «использовал в диссертации заимствованные материалы не ссылаясь на автора и (или) источник заимствования» (Пунктуация автора сохранена – Н.Ш.) (с. 1).

Доказательством нарушения заявитель считает выявленные им случаи фактического отсутствия заимствованного материала в источнике заимствования, на который ссылается соискатель.

(1) Заявитель утверждает, что цитируемое в диссертации замечание К. С. Станиславского: «Протестую. Не закрыт, а резонирует»¹, – отсутствует в источнике цитирования на указанной соискателем странице.

¹ Станиславский К. С. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Ч. 2. С. 462. (В тексте диссертации – сноска 137 на с. 43). Развернутое описание этого источника приведено ранее – в сноске 61 на с. 23: «Станиславский К. С. Собр. соч.: в 8 т. М.: Искусство, 1954–1961. Т. 3: Ч. 2. Работа актера над собой. Работа над собой в творческом процессе воплощения. – 1955. С. 84, 85».

Вопреки его утверждению, цитируемое замечание присутствует в источнике цитирования – на странице 462, как и указано соискателем. (Ксерокопии титульного листа издания и страницы 462 имеются в деле.)

(2) Заявитель утверждает, что на странице 30 «соискатель использует заимствованный материал, выделенный кавычками и ссылкой 90, 91».

При сжатом изложении суждений А. А. Григорьева и Ф. А. Кони об устаревшей манере сценической декламации соискатель использовала косвенное цитирование, как известно, не требующее употребления кавычек.

Заявитель, разглядевший кавычки там, где их нет и где они не должны быть, не обнаружил в статьях указанных критиков обобщенные формулировки соискателя и сделал ошибочный вывод: «фактически данный заимствованный материал в этих работах не содержится».

(3 и 4). На странице 21 в ссылке на источник заимствования выявлена опечатка – вместо с. 269 указано: «С. 266»². (Ксерокопии титульного листа издания и страницы 269 имеются в деле.) На странице 37 выявлено неполное совпадение цитируемого текста с текстом источника цитирования³ – следствие того, что соискатель не отметила пропуск отдельных слов знаком многоточия. (Ксерокопии титульного листа издания и страницы имеются в деле.) Обе ошибки, допущенные по недосмотру соискателя, носят формальный характер.

Расценивать технические погрешности в оформлении работы как «фактическое отсутствие» заимствованного материала в источнике заимствования – явная натяжка заявителя. Но существо проблемы не в ней, не в том или ином количестве промахов соискателя и даже не в том, реальны они или мнимы, а в том, что сам довод заявителя не основан на требовании к соискателю «*ссылаться на автора и (или) источник заимствования*».

Нарушение указанного требования заявитель доказывает нелепым до абсурда способом: приводит примеры использования заимствованных материалов и каждый из них сопровождает ссылкой на автора и источник заимствования – с указанием номера сноски и номера страницы, на которой она находится в диссертации: сноски 54 (с. 21), 90 и 91 (с. 30), 102 и 104 (с. 33), 114 и 115 (с. 37), 124 (с. 40), 134 и 137 (с. 43). Тем самым он собственноручно удостоверяет, что свою обязанность «*ссылаться на автора и (или) источник заимствования*» соискатель выполняет неукоснительно.

Необоснованное заявление о нарушении требования пункта 14 *Положения о присуждении ученых степеней* отклоняется.

² Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. С-Петербург, Типогр. Департамента внешней торговли, 1847. С. 266. (В тексте диссертации – сноска 54 на с. 21.)

³ Там же. С. 146. (В тексте диссертации – сноска 114 на с. 37.) Развернутое описание этого источника приведено ранее – в сноске 113 на с. 37: «Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977. Т. 5: Критика и публицистика. 1856–1864 / Примеч. И. М. Белявской и др. – 1966. С. 150».

3. Автор апелляции заявляет, что в нарушение требования пункта 10 *Положения о присуждении ученых степеней*: «Диссертация должна быть написана автором самостоятельно», – «диссертация написана автором не самостоятельно» (с. 2). Обоснование заявления – анализ пяти цитат из диссертации, содержащих ссылки на труды других исследователей.

(1) Первая цитата, приводимая в апелляции: «Обучение "декламации и действованию" в открытой в Петербурге государственной театральной школе (1779) взял в свои руки И. А. Дмитриевский (1734–1821), один из ее организаторов, мастер актерской игры, голос "с гибкой гортанью"⁴».

Смысл приведенной цитаты заявитель истолковывает весьма неожиданно, по ходу дела совершая ошибку в написании фамилии артиста: «Из данного текста следует, что у Дмитриевского была гибкая гортань, что выделяет его из общего рода человеческого. Однако, человеческая гортань гибкая у всех, принадлежащих человеческому роду».

Ничего подобного из данного текста не следует: «человеческая гортань» и «человеческий род» здесь ни при чем. Но заявитель руководствуется собственной логикой и считает нужным привести полную цитату из письма автора, на которого ссылается соискатель: «Это не простой человек, какой голос! Как он гибок в его гортани!» По его мнению, перефразировка этих слов соискателем («голос "с гибкой гортанью"») искажает мысль автора письма, писавшего «не о физиологии гортани Дмитриевского, а о его голосе».

Вопреки утверждению заявителя, в диссертации речь тоже идет о голосе мастера декламации, а не о его гортани: выражение автора диссертации «голос с гибкой гортанью» и выражение цитируемого автора «голос, гибкий в гортани» – синонимичны по значению. Оба автора знают о прямой зависимости гибкости голоса от гибкости гортани и потому, говоря о голосе артиста И. А. Дмитриевского, упоминают о его гортани. Заявитель этого не понял и свое рассуждение о мнимой ошибке соискателя завершил более чем странным выводом: «При самостоятельном написании диссертации допустить такое невозможно, следовательно, диссертация представляет собой компиляцию текстов других исследователей».

Во-первых, если соискатель при написании диссертации «допустила такое», то сделала это абсолютно самостоятельно, а во-вторых, «компиляция текстов других исследователей» здесь ни при чем, поскольку Михаил Никитич Муравьев – единственный, кого соискатель в данном случае процитировала.

Автор апелляции, инженер-экономист по образованию, не обладает специальными знаниями ни в области функционирования гортани, ни в искусстве сценической речи, ни в истории русского театра, однако отважно рассуждает о предметах, находящихся вне пределов его компетентности.

⁴ Муравьев М. Н. Письма отцу и сестре 1777–1778 годов // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука. 1980. С. 348. (В тексте диссертации – сноска 102 на с. 33.)

(2 и 3) С той же дилетантской самоуверенностью он истолковывает еще две цитаты из диссертации со ссылками на труды других исследователей (с. 37 и с. 40), уличая соискателя в неточности понимания цитируемых текстов. Как и в первом случае, его суждения изобилуют смысловыми рассогласованиями и логическими несообразностями (не говоря уж о пунктуационных и стилистических ошибках). Не владея методом контекстуального анализа, он любую цитату, приводимую соискателем в диссертации, рассматривает изолированно, вне контекста ее использования. Не улавливая цели цитирования, он не связывает мысль цитируемого автора с логикой мысли автора диссертации, произвольно истолковывает смысл сопоставляемых цитат, а затем делает вывод, что диссертация написана «не самостоятельно».

(4) Если в первых трех случаях ошибочные доводы и выводы можно объяснить добросовестным заблуждением заявителя, то его разбор следующей цитаты представляет собой откровенное передергивание.

Заявитель цитирует соискателя: «Как отмечал психофизиолог П. В. Симонов, он принимал союз физиологии и искусства, читал исследование И. П. Павлова в области науки о мозге, говоря: "До Павлова нам далеко. Но учение его к нашей актерской науке применимо"⁵».

И далее продолжает: «Фактически слова "До Павлова нам далеко. Но учение его к нашей актерской науке применимо" принадлежат К. С. Станиславскому, о чем и пишет Симонов П. В. (цит. по Н. Горчакову, 1952) и даже вынес их в эпиграф своей работы. При самостоятельном написании диссертации допустить такое невозможно, следовательно, диссертация представляет собой компиляцию текстов других исследователей» (Пунктуация автора апелляции сохранена – Н.Ш.).

Ничего «такого» соискатель не допускала и фразу режиссера Станиславского психофизиологу Симонову не приписывала. На странице 43 она, в частности, написала следующее: «К. С. Станиславский был не против взаимодействия актерского искусства с науками, но выступал за апробированные достаточным опытом достижения. Как отмечал психофизиолог П. В. Симонов, он принимал союз физиологии и искусства, читал исследование И. П. Павлова в области науки о мозге, говоря: "До Павлова нам далеко. Но учение его к нашей актерской науке применимо"».

Более чем сомнительно, что при чтении диссертации заявитель не заметил в первом предложении фамилии Станиславского и потому не понял, что во втором предложении местоимение «он» относится к нему, а не к Симонову, упоминающему о нем. Исключение начальной фразы из приводимого в апелляции фрагмента диссертационного текста есть не что иное, как возмутительная подтасовка фактов и смыслов.

⁵ Симонов П. В. Метод К. С. Станиславского и физиология эмоций. М.: Книга по Требованию, 2012. С. 11. (В тексте диссертации – сноска 134 на с. 43.)

(5) Последний довод заявителя – ссылка на вторичный источник: «Соискатель ссылаясь на Дмитриевского, делает ссылку не на него, а на Учебник для театральных институтов который был использован соискателем для написания диссертации без самостоятельной обработки источников» (Орфография и пунктуация автора сохранены – Н.Ш.).

На странице 34 речь идет о проблеме обучения «акции и декламации» в театральной школе, открытой по инициативе И. А. Дмитриевского. С учетом цели и контекста цитирования, соискатель сочла целесообразным сослаться не на беллетризованные мемуары об артисте, а на исследование Б. Н. Асеева, в котором указанная проблема затрагивается⁶. Согласно академической норме, автор диссертации вправе сослаться на вторичный источник, если первичный источник охарактеризован в нем верно и с достаточной полнотой. Серьезный исследовательский труд Б. Н. Асеева отвечает этой норме, поэтому ссылка на него правомерна. Соискатель имела на это право и реализовала его.

Необоснованное заявление о нарушении требования пункта 10 *Положения о присуждении ученых степеней* отклоняется.

4. Автор апелляции заявляет, что в нарушение требования пункта 9 *Положения о присуждении ученых степеней*: «Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний», – «в диссертации не содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний» (с. 4).

Основание для заявления следующее: «метод "ПМК-Д" не внедрен в образовательную практику. Положительных отзывов, полученных при апробации, совершенно недостаточно для признания метода "ПМК-Д" как имеющего значение для развития соответствующей отрасли знаний» (с. 5).

Заявление подкреплено ссылкой на предписания пунктов 4.6.3 и 4.6.4 *Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 53.05.04 музыкально-театральное искусство*⁷. Однако указанных пунктов в нем нет. Они содержатся в *Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования – специалитет по специальности 52.05.01 актерское искусство*: пункт 4.6.3 содержит предписание о проведении государственной аккредитации, пункт 4.6.4 – о профессионально-общественной⁸.

⁶ Цит. по: Асеев Б. Н. Русский драматический театр от истоков до конца XVIII: Учебник для театральных институтов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Искусство, 1977. С. 470. (В тексте диссертации – сноска 104 на с. 34, а не на с. 33, как указано в апелляции.)

⁷ См.: URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-53-05-04-muzykalno-teatralnoe-iskusstvo-uroven-specialiteta-1171>.

⁸ См.: URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-52-05-01-akterskoe-iskusstvo-1128>.

Судя по тексту претензии, заявитель под апробацией понимает в одном случае внедрение, а в другом – аккредитацию, что свидетельствует о его полном непонимании смысла понятия, которым он оперирует.

К тому же заявитель путает научно-теоретическое значение исследования с его практической значимостью. Научная задача, решаемая на страницах диссертации, четко определена целью исследования: «Выявление потенциала развития дикционной выразительности актера в современном театральном образовании» (с. 11). Предложенное соискателем решение этой научной задачи имеет несомненное значение для развития науки о театре. Что касается актерского дикционного тренинга ПМК-Д, то он значим, прежде всего, для методики обучения сценической речи. Требовать, чтобы он имел значение «для развития соответствующей отрасли знаний», а потом заявлять о нарушении указанного требования – наглядное проявление некомпетентности заявителя в той области знаний, о которой он берется судить.

Специалисты по сценической речи признали значение этой разработки соискателя для современной театральной практики. Разделяя мнение специалистов, диссертационный совет полагает, во-первых, что актерский дикционный тренинг ПМК-Д успешно прошел апробацию, а во-вторых, что полученных положительных отзывов о нем достаточно для признания практической значимости исследования.

Необоснованное заявление о нарушении требования пункта 9 *Положения о присуждении ученых степеней* отклоняется.

5. Автор апелляции заявляет, что вопреки требованию пункта 10 *Положения о присуждении ученых степеней*: «Диссертация должна <...> содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты», – диссертация соискателя не содержит «новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты» (с. 3).

Наличие в диссертации новых научных результатов и положений, выдвигаемых для публичной защиты, отмечается в отзывах оппонентов и ведущей организации, в отзывах об автореферате диссертации, в заключении диссертационного совета. В отличие от аргументированных суждений профессионалов, заявление автора апелляции не основано ни на чем, кроме убежденности в своей правоте. Вопреки требованию подпункта "в" пункта 43 *Положения о присуждении ученых степеней*: «Заявление о необоснованности присуждения ученой степени должно содержать <...> доводы, на основании которых лицо, подавшее заявление о необоснованности присуждения соискателю ученой степени, не согласно с решением диссертационного совета...», – он не приводит ни одного довода в обоснование своего заявления.

Голословное заявление о нарушении требования пункта 10 *Положения о присуждении ученых степеней* отклоняется.

6. Автор апелляции заявляет, что в нарушение требования пункта 10 *Положения о присуждении ученых степеней*: «Диссертация должна <...> обладать внутренним единством», – «диссертация <...> не обладает внутренним единством» (с. 4).

Отсутствие «внутреннего единства» заявитель доказывает описанным выше способом: приводит две цитаты из диссертации (с. 3–5 и с. 153), как умеет истолковывает их смысл и, исходя из собственного толкования, заявляет о наличии «противоречий» в тексте диссертации. Несостоятельность его наивных доводов настолько самоочевидна, что диссертационный совет считает излишним приводить контрдоводы в их опровержение.

Необоснованное заявление о нарушении требования пункта 10 *Положения о присуждении ученых степеней* отклоняется.

7. Автор апелляции заявляет о двух взаимосвязанных нарушениях, результатом которых стало неправильное определение кворума на заседании совета по защите диссертации:

(а) нарушение требования второго абзаца пункта 51(2) *Положения о совете по защите диссертаций*: «Члены диссертационного совета, опоздавшие к началу защиты диссертации, ушедшие до ее окончания или временно отсутствовавшие на заседании диссертационного совета (в том числе в случае разрыва аудиовидеосвязи), кроме времени объявленного технического перерыва, в определении кворума не учитываются...»

(б) нарушение указания пункта 29 *Положения о присуждении ученых степеней*: «Заседание диссертационного совета считается правомочным, если в его работе принимают участие не менее двух третей членов диссертационного совета...».

Заявление о неправомочности заседания совета по защите диссертации автор апелляции обосновывает тем, что член диссертационного совета Егошина О. В. покинула заседание после завершения тайного голосования по вопросу присуждения соискателю ученой степени кандидата искусствоведения и в последующем голосовании участия не принимала, вследствие чего «заключение диссертационного совета по диссертации и протокол счетной комиссии приняты в отсутствие кворума» (с. 5).

С разрешения председателя совета профессор Егошина О. В. покинула заседание совета по защите диссертации до его окончания, но это обстоятельство не имело тех последствий, о которых говорится в апелляции. Разрешение было ею получено именно потому, что ее уход не лишил заседание совета правомочности: на заседании остались и приняли участие в его работе 14 членов диссертационного совета из 20-ти, входящих в его состав. Эти 14 участников заседания составляют требуемые две трети состава диссертационного совета и тем самым обеспечивают кворум, необходимый для признания заседания совета по защите диссертации правомочным.

Заявление об отсутствии кворума на заседании совета вследствие ухода профессора Егошиной О. В. основано на уверенности заявителя, что «Красиков В. И. временно отсутствовавший на заседании диссертационного совета в определении кворума не учитывается» (Пунктуация автора сохранена – Н.Ш.) (с. 5). В доказательство его «временного отсутствия» к апелляции прилагаются «сканы экрана трансляции заседания диссертационного совета на 16:16 и 16:18 час.», на которых отсутствует изображение члена диссертационного совета Красикова В. И., участвовавшего в работе заседания в удаленном интерактивном режиме.

Просмотр аудиовидеозаписи заседания позволил установить точную длительность отсутствия изображения профессора Красикова В. И. в кадрах трансляции: в первый раз – 27 секунд (хронометраж: 16 час. 16 мин. 11 сек. – 16 час. 16 мин. 38 сек.), во второй – 9 секунд (хронометраж: 16 час. 18 мин. 54 сек. – 16 час. 19 мин. 03 сек.).

В связи с этим профессор Красиков В. И. объяснил, что он ни на одну секунду не прекращал принимать участие в работе заседания совета по защите диссертации: во-первых, от трансляции заседания не отключался и из видеоконференции не выходил, во-вторых, не удалялся из комнаты, где был установлен его персональный компьютер и, в третьих, вследствие сосредоточенности на содержании защиты, не принял во внимание, что в указанные промежутки времени (27 секунд и 9 секунд) оказался вне поля видимости видеокамеры своего компьютера. (Объяснительная записка члена диссертационного совета Красикова В. И. имеется в деле.)

Диссертационный совет не имеет оснований не доверять профессору Красикову В. И. и признает его объяснение удовлетворительным.

Довод заявителя – недопустимая натяжка. Предъявленные фотоснимки фиксируют отсутствие изображения профессора Красикова В. И. на экране трансляции заседания, но не доказывают, что он реально отсутствовал на заседании совета в течение 27 секунд в одном случае и 9 секунд в другом. Расценивать сделанные заявителем фотоснимки как весомое доказательство «временного отсутствия» профессора Красикова В. И. на заседании неправомерно. Даже при самом строгом отношении к определению кворума, они не являются достаточным основанием для исключения профессора Красикова В. И. из числа участников заседания при определении кворума и лишения его права на участие в голосовании. Иное решение этого вопроса не согласовывается со здравым смыслом и входит в неразрешимое противоречие с необходимостью вынесения решения справедливого и правомерного (= внутренне оправданного, имеющего веское основание).

Убедительных доказательств неправильного определения кворума в апелляции не представлено, поэтому заявление автора апелляции об отсутствии кворума на заседании совета по защите диссертации отклоняется.

